

A decorative rectangular frame with ornate scrollwork at the corners and repeating floral motifs along the sides. The background within the frame is a cracked, marble-like texture. The word "УИРОНДА" is centered in the middle of the frame.

УИРОНДА

ОСТРОВ И БЕЗДНА

Когда Умберто Барбьери был подростком, ему часто снилось искореженное железо.

Вот он стоит на мосту над дорогой и видит, как серая машина, летящая по полосе, на полной скорости врезается в несущийся навстречу грузовик, на стальной кабине которого играют блики от фар. Через секунду Умберто оказывается на месте этой чудовищной аварии, и в нос ударяет запах бензина и гудрона.

За рулем грузовика никого нет.

А в легковушке с разбитыми вдребезги стеклами, между рулем и сиденьем водителя, сплюснен в жуткую гармошку из плоти *его собственный* изуродованный труп: шея сломана, голова лежит между рычагом переключения передач и ручником, спутанные волосы все в крови.

Полузакрытые глаза, остекленевший взгляд — словно у мумии какого-нибудь святого.

Слышится потрескивание раскаленного металла, воняет бензином.

Умберто пытается открыть дверь: во сне ему кажется, что *самое главное* — вытащить труп, так он будет в безопасности. И как только она поддается, мертвый Умберто открывает глаза с торчащими из них осколками и, ухмыляясь, орет, как сумасшедший: «Двадцать восемь. Двадцать восемь, идиот! Бум, бум, придурок!»

Потом все вокруг становится красно-синим, и огненный шар пожирает обломки, дорогу и весь мир...

Луиджи Музолино. УИРОНДА

В этот момент Умберто обычно просыпался в своей комнате. Без крика, без стука крови в висках. Просто лежал и смотрел на желтоватый свет уличных фонарей, просачивающийся в темноту из-за закрытых ставен, а потом засыпал снова.

Со временем ночной кошмар перерос в какую-то внутреннюю уверенность, что его ждет именно такой конец, стал историей, которой можно щегольнуть перед друзьями, сидя вечером в баре за кружкой пива.

— Я умру в двадцать восемь в автокатастрофе. Говорю вам. Мне это часто снится.

Но вот ему исполнилось двадцать восемь, а потом двадцать девять, и хотя жизнь его порядком потрепала, в другой мир он пока не отправился.

Когда же Умберто стукнуло тридцать, он, как и все люди (хотя многие не хотят это признавать), начал понимать, что есть много способов умереть, и какой уготован именно ему — неизвестно.

Сердечный приступ. Вполне возможно. Умираешь быстро, как дядя Бруно. Или опухоль. Она была у дедушки, и у папы, а учитывая, сколько я курю, мне вряд ли удастся дожить до преклонного возраста, а близким — сказать: «Он умер безмятежно, во сне».

Сейчас тридцативосьмилетний Умберто, вцепившись в оторванный хвост гидросамолета в тысяче километров от своей квартирки в Пинероло, подумал, что каким-то образом все же попал в тот сон — хотя время и ситуация оказались другими.

Бум, придурок!

Увидев мальдивского пилота, который по-прежнему сидел в наполовину снесенной кабине, с прижатым к груди подбородком, схватившись за ручку управления, Умберто почувствовал любопытство,

смешанное с ужасом. Если бы верхнюю часть черепа не отрезало куском железа, можно было бы решить, что пилот просто решил вздремнуть. Умберто смотрел на него, барахтаясь в воде, и оттуда голова мальдивца напоминала алюю чашу с серым, прогорклым супом.

— Э-э-эй! Кто-нибудь меня слышит?

Он удивился, что смог закричать. Горло сдавило, легкие пропитались морской солью, а сознание было совершенно пустым и находилось где-то далеко от тела. Умберто принялся перебирать ногами в прозрачной воде,

цел, я цел

как вдруг на него обрушилась волна, и пальцы, вцепившиеся в кусок металла, разжались. Он хлебнул воды. Перепугавшись, начал барахтаться изо всех сил и почувствовал прикосновение чьих-то волос.

Рядом с ним плавал труп с грустным выражением на застывшем лице. Он узнал молодую девушку, которой еще совсем недавно принадлежало это тело: грива волос вишневого оттенка из рекламы *Pantene*, неизменная сигарета *Merit* во рту и томный взгляд, сменявшийся досадой, когда дым щекотал ресницы. Марта. С ней — и с девятью другими итальянцами — он познакомился пять дней назад в Мале.

У нее была оторвана нога. Умберто не понял, правая или левая. Эти загорелые ноги еще не так давно он представлял в своих фантазиях, лежа на кровати отеля в столице Мальдив.

Из кармашка трупа выплыла пачка сигарет; бумага раскисла, а фольга блестела на солнце, как чешуя рыбок, стайками снующих вокруг похолодевших мертвых губ.

Луиджи Музолино. УИРОНДА

Умберто решил, что надо кричать — даже под водой,— потому что ничего больше не остается, совсем ничего...

— Э-э-эй!

От крика, просочившегося сквозь толщу воды, Умберто вздрогнул. Как безнадежный пессимист, он уже решил, что все остальные погибли и ему придется вытаскивать себя из этого дерьма в одиночку.

Умберто сделал пару беспорядочных гребков, всплыл на поверхность и ухватился за толстый кусок поролона от пассажирского кресла. Чихнул, от соленой воды загло в горле. Сквозь выступившие слезы разглядел очертания двух голов — это были явно не трупы.

— Я тут!

— Умберто? Ты в порядке?

Умберто узнал сицилийский акцент Эннио — парня из Трапани с копной вьющихся волос.

— Да. Вроде да.

— Сможешь до нас доплыть?

— Сейчас попробую.

Держась руками за кусок поролона и перебирая ногами, Умберто поплыл туда, откуда доносился голос. Поверхность океана медленно вздымалась длинными убаюкивающими волнами, которые лениво поглаживал ветер; через несколько минут Умберто добрался до покореженного желтого крыла самолета, на котором сидели четверо уцелевших. На их лицах был написан ужас. Вокруг плавали куски обшивки.

Отдых в тропическом раю обернулся адом.

Пятеро из одиннадцати. Пятеро из одиннадцати по-прежнему в мире живых. Даже не половина.

Умберто, Эннио, Дэни, Самоа и Валентина. Сидя на краю крыла, Валентина качалась взад-вперед,

впившись ногтями в щеки. Пустое лицо, ничего не выражающие, как у насекомых, черные шарики глаз со зрачками, расширенными от ужаса.

— Я не хочу умирать,— беспрерывно твердила она.— Я не хочу умирать, нет, пожалуйста.

Эннио бросил на нее взгляд, а потом помог Умберто забраться на импровизированный плот.

— Так, так, аккуратно. Все. Ты как?

Умберто лег на металл, пытаясь восстановить дыхание. На какую-то секунду из органов чувств у него осталось одно зрение: вот монохромная необъятная вселенная, чью лазурь испачкал только медленно тающий след самолета, вот кристально чистое блюдце океана, все в ослепительных солнечных бликах.

Интересно, а их можно увидеть сверху? Наверное, нет.

— Я... я в порядке, да. Вроде бы. А вы?

— Нас немного потрепало, но могло быть и хуже,— отрезала Самоа, усаживаясь рядом с ним. Эта сорокалетняя уроженка Генуи даже сейчас оставалась такой же невозмутимой, как раньше. Ее правая бровь была рассечена, и сочащуюся из длинной царапины алую кровь она то и дело вытирала клочком намочшей ткани.— Вот только Валентина в шоке. Совсем тронулась,— добавила она, махнув рукой в сторону девушки.

— Мы... Видимо, только мы...— запинаясь, проговорила подошедшая Дэни и закусил губу. Бермуды у нее задрались, обнажив дряблые белые бедра в сеточке капилляров. Прилипшая к телу майка обрисовывала обвисшую грудь и живот — ни дать, ни взять карикатура на идола изобилия.— Я видела Энцо, и Сабрину, и пилота, и... Их раны... Боже, боже мой.

Люджи Музолино. УИРОНДА

Разрыдавшись, она стала выглядеть отталкивающей — толстая, сопливая, жалкая. Упала на колени и попыталась справиться со слезами. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы ее утешить.

— Я Марту видел... Она тоже... Что произошло, черт подери? — с этими словами Умберто вскочил, пытаясь понять, нет ли у него самого ран или синяков. Хорошо хоть почти исчезло мучившее чувство, будто это не он решает, что ему говорить и что делать, будто он — всего лишь марионетка, которую дергает за ниточки безжалостный кукловод. Теперь адреналин слепил внутри комок вопросов, страха и тошноты.

— Я услышала какой-то грохот,— начала Самоа,— и в иллюминаторе увидела пламя. Потом гидросамолет перевернулся, и что-то случилось, я не поняла. А через секунду оказалась в воде рядом с Эннио.

— Так и было,— подтвердил сицилиец. Он резко и неестественно размахивал руками, как робот, и весь дрожал.— Наверное, двигатель взорвался. Самолет ударился о воду и развалился на две части. То, что мы живы, это... это чудо. Чудо,— улыбка, которая должна была успокоить окружающих, сделала его похожим на утря на разделочной доске.

Умберто посмотрел по сторонам, рукой прикрывая глаза от палящего солнца.

— Перед падением я мельком видел атоллы, но отсюда...

— Мы где-то в Индийском океане, к югу от Мальдивских островов.

— Большое спасибо, Самоа. Сразу стало все понятно,— фыркнула Дэни, которая смогла взять себя в руки и теперь вглядывалась в стеклянную наковальню горизонта.

— Слушай, жирдяйка, если можешь сказать что-то поумнее, так говори, или закрой свой поганый...

— Эй, прекратите, прекратите немедленно! — закричал Эннио. — Сейчас не время ссориться, вы что, не понимаете? Нам нужно просто подождать. Мы вряд ли далеко от Адду. Скоро нас спасут. Валентина, как ты себя чувствуешь?

Несколько секунд девушка смотрела на него молча; белки ее глаз напоминали дно грязного стакана. Солнечный свет нарисовал черные пятнышки на сережках из черного коралла, купленных на рыночке в Мале. Казалось, это было так давно... На щеках Валентины виднелись вмятины от ногтей в форме полумесяца.

— Я... Мы умрем, да?

— Нет, не умрем. Эннио прав, нужно продержаться всего несколько часов. Давайте лучше поищем еду и воду среди обломков, кто со мной?

После этих слов Умберто вдруг почувствовал, как стало жарко, хотя его *Sector* показывали всего полдесятого утра. Обжигающее белое солнце застыло в пугающе неподвижном небе цвета индиго.

И тут он понял, какая же глупость — надеяться, что их вот-вот спасут. Они вылетели из Мале рано утром, чтобы добраться до острова Ган, самого южного в архипелаге, а возвращение самолета *Maldivian Air Taxi* в столицу планировалось только поздним вечером. Вряд ли на этих маленьких самолетиках есть системы SOS или что-нибудь такое.

Господи, а пилот был босиком и без рубашки...

Их начнут искать только вечером — и это в лучшем случае.

Он проглотил слюну и в порыве ярости, вызванной паникой, проклял Элену.

Лудджи Музолино. УИРОНДА

Море он не любил. Никогда не любил.

С какой стати она все время лезет, куда ее не просят? Почему постоянно заставляет меня делать то, что я не хочу?

Поехать на Мальдивы, в «холостяцкий тур», который ему подарила заботливая сестра, после долгих уговоров он согласился только из вежливости.

— От подарка нельзя отказываться, нельзя,— убеждала Элена, помахивая перед его носом глянцевыми брошюрками.— Может, там ты познакомишься с какой-нибудь хорошей девушкой, вы начнете жить вместе и сделаете меня тетей.

Или единственным ребенком...

Стараясь отогнать мрачные мысли, Умберто принялся разглядывать своих товарищей по несчастью: Эннио, парень с юга Италии чуть моложе его, обаятельный и уверенный в себе, единственный, кому удалось в первый же день на Мальдивах переспать с девушкой — ирландкой, с которой он познакомился в Мале Норд.

Самоа — сорокалетняя генуэзка, которая держится особняком, любит дайвинг и местную кухню и ездит на любимые Мальдивы уже пятнадцать лет,— единственная, кто сохраняет спокойствие или хотя бы делает вид.

Дэни — застенчивая толстушка, проводившая большую часть времени за чтением. Она приехала на Мальдивы в надежде найти любовь, но пока ей остается только радоваться тому, что она не стала кормом для разноцветных рыбок, живущих в рифах.

Валентина — лет тридцати — младшая из них, молчаливая, все еще не отошла от пережитого кошмара.

Описал он и себя — кратко и довольно нелестно: Умберто Барбьери, заурядный офисный работник,

ОСТРОВ И БЕЗДНА

которому давно пора в спортзал; в жизни он разочаровался, и теперь его самое большое приключение — пинта пива субботним вечером в захудалом прокуренном баре; в этом аду он оказался только по прихоти богатой сестры.

Не очень-то они похожи на выживших смельчаков или наследников Робинзона Крузо.

Эннио и Самоа прыгнули в воду и достали два рюкзака и несколько бутылок ананасового сока, выпавших из гидросамолета при аварии. Для Умберто сама мысль снова оказаться в воде была противна: вдруг он опять прикоснется к трупу — к тому, что осталось от человека, с которым еще пару часов назад он вместе завтракал, обсуждал, куда бы поехать, смеялся.

От жизни к смерти. От осознанного существования к небытию.

Почувствовав головокружение, Умберто хотел сесть, как вдруг пухлые пальцы Дэни тисками сжали его плечо.

— Смотрите, смотрите! Там земля! — Она метнулась на другой конец крыла и чуть его не перевернула. Ткнула пальцем в горизонт. В темное пятно в паре километров. Там был остров какого-то странного цвета — то ли серого, то ли коричневого. Его зубчатые очертания на фоне ясного неба напоминали спину динозавра, а в центре виднелось возвышение в форме конуса.

Инеродное тело в бескрайней глади океана.

Эннио и Самоа вскарабкались на крыло самолета, держа в руках то небольшое, что смогли отыскать.

— Вы видите?

Разглядев островок, они кивнули.

Луджи Музолино. УИРОНДА

СОДЕРЖАНИЕ

УИРОНДА

Остров и Бездна	6
Молочная кислота	46
Ночь в ночи	74
Ньямби (Переход)	91
Черные холмы истязаний	130
Уиронда	163
Муравьи	194
Шаткое положение	226
3,5 этаж лестницы D	248
В трещинах	332

ДРУГАЯ ТЕМНОТА

...Зачем эта книга?	409
Как собаки	411
Куда деваются зажигалки	460
Копия	465
Противнус	504
Озеро без будущего	505
Двухъярусная кровать	539
Лес, развилки	542
...Послание	635
Последняя коробка	639

БЛАГОДАРНОСТИ

827

Галенскап	658
Скала — их дом	663
Пустующий дом	696
Пука	698
Просто не впускай их	711
Тело	719
Зачем старики смотрят на стройки	737
Другая темнота	741
...Об Энрико Бедолисе	820
Благодарности	825